ПРАВДА
О
ПОЖАРѢ МОСКВЫ.

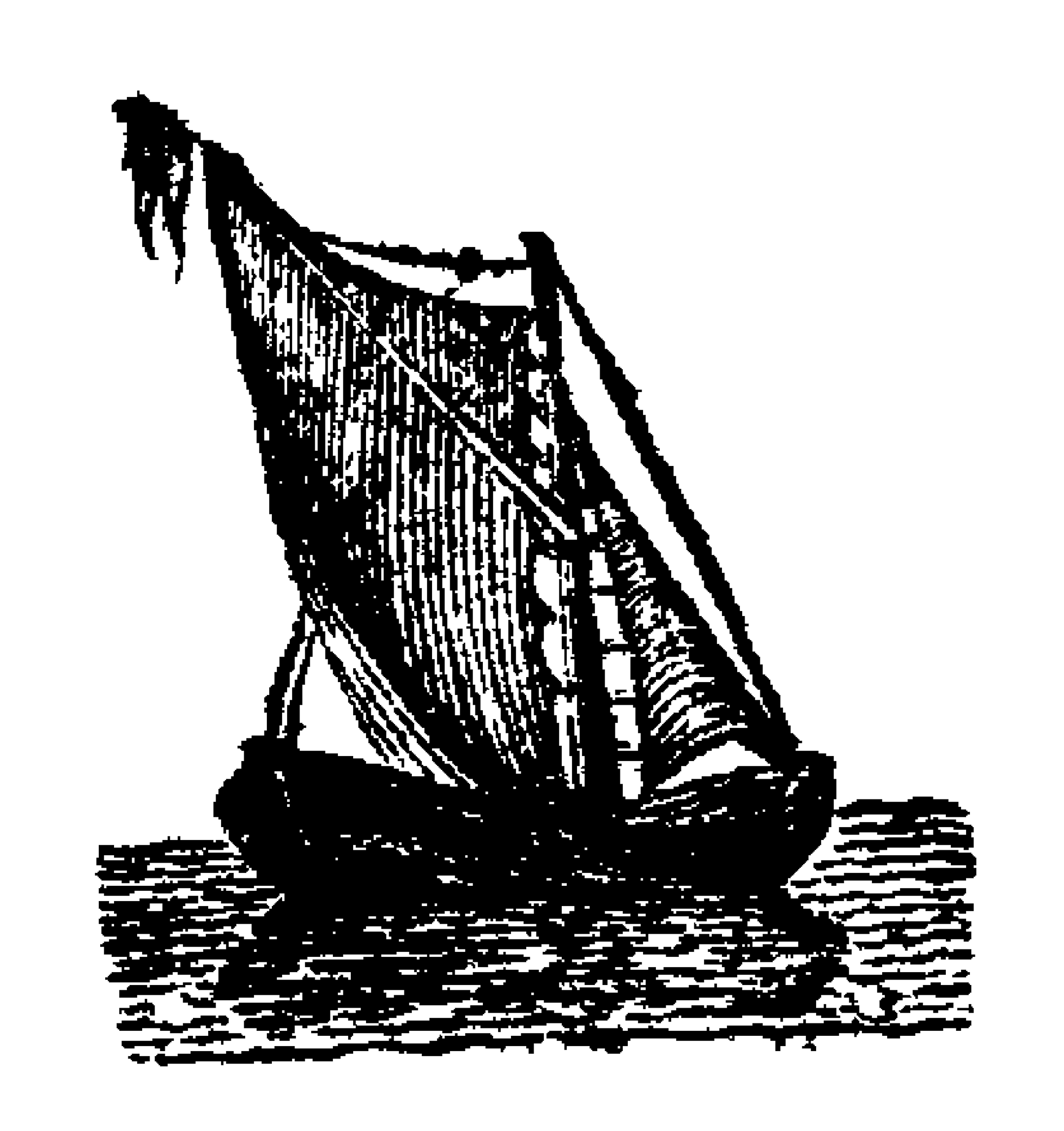
ПРАВДА
О
ПОЖАРѢ МОСКВЫ.

Сочиненіе

ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА.

Перевелъ съ Франц.

Александръ Волковъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1823.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для *Императорской* Публичной Библіотеки и одинъ для *Императорской* Академіи наукъ. Октября 18 го дня 1823 года. *О. П., Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

Изданіе Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета А. С. Ширяева.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ГОСПОДИНУ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ

И

Орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени и Св. Анны перваго класса Кавалеру

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ

ДМИТРІЕВУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Переводъ сочиненія знаменитаго нашего Патріота кому лучше можетъ быть приписанъ, какъ не Вашему Высокопревосходительству? Ваша любовь къ Отечеству, Ваша примѣрная справедливость, должности, Вами пройденныя: — все оправдываетъ мой выборъ, и я почту себя щастливымъ, если приношеніе мое удостоится благосклоннаго Вашего принятія.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Волковъ.

ПРАВДА
О
ПОЖАРѢ МОСКВЫ.

Протекло десять лѣтъ со времени пожара Москвы, и я всегда представляемъ потомству и Исторіи какъ изобрѣтатель такого происшествія, которое, по принятому мнѣнію, было главнѣйшею причиною истребленія непріятельскихъ армій, паденія Наполеона, спасенія Россіи и освобожденія Европы. Безъ сомнѣнія, есть чѣмъ возгордиться отъ такихъ прекрасныхъ названій; но не присвоивая себѣ никогда правъ другаго и соскучась слышать одну и ту же басню, я рѣшаюсь говорить правду, которая одна должна руководствовать Исторіею.

Когда пожаръ разрушилъ въ три дни шесть осьмыхъ частей Москвы, Наполеонъ почувствовалъ всю важность сего происшествія и предвидѣлъ слѣдствіе, могущее произойти отъ того надъ Русской націей, имѣющей все право приписать ему сіе разрушеніе, по причинѣ его бытности и ста тридцати тысячь солдатъ подъ его повелѣніями. Онъ надѣялся найти вѣрный способъ отклонить отъ себя весь срамъ сего дѣла въ глазахъ Русскихъ и Европы и обратить его на Начальника Русскаго правленія въ Москвѣ; тогда бюллетени Наполеоновы провозгласили меня зажигателемъ; журналы, памфлеты наперерывъ одинъ передъ другимъ повторили сіе обвиненіе, и нѣкоторымъ образомъ заставили авторовъ, писавшихъ послѣ о войнѣ 1812 года, представлять несомнѣннымъ такое дѣло, которое въ самой вещи было ложно.

Я расположу по статьямъ главнѣйшія доказательства, утвердившія мнѣ-

ніе, что пожаръ Москвы есть мое дѣло; я стану отвѣчать на нихъ происшествіями, извѣстными всѣмъ Русскимъ. Было бы несправедливо этому не вѣрить; ибо я отказываюсь отъ прекраснѣйшей роли эпохи, и самъ разрушаю зданіе моей знаменитости.

1. *Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ 19, 20, 21, 22, 23 и 24мъ говоритъ утвердительно, что пожаръ Москвы былъ выдуманъ и приготовленъ правленіемъ Ростопчина.*

Дабы выдумать и исполнить предпріятіе столь ужасное, каково есть сожженіе столичнаго города Имперіи, надлежало имѣть причину гораздо важнѣйшую, чѣмъ увѣренность во злѣ, могущемъ отъ того произойти для непріятеля. Хотя шесть осьмыхъ частей города были истреблены огнемъ, однако оставалось еще довольно зданій для помѣщенія всей арміи Наполеона. Совершенно было не возможно, чтобъ пожаръ могъ распространиться по всѣмъ

частямъ города, и еслибъ не случилось жестокаго вѣтра, огонь самъ бы по себѣ остановился по причинѣ садовъ, пустыхъ мѣстъ и булеваровъ. Такимъ образомъ, истребленіе жизненныхъ припасовъ, находящихся въ домахъ, которые могъ бы пожрать пламень, былобъ единственнымъ зломъ для непріятеля и горестнымъ плодомъ мѣры, сколь жестокой, столько же и неблагоразумной.

Кромѣ того, жизненные припасы, оставшіеся въ Москвѣ, были весьма незначительны; ибо Москва снабжается посредствомъ зимняго пути и весенняго плаванія до Сентября мѣсяца, а послѣ на плотахъ до зимы; но война началась въ Іюнѣ мѣсяцѣ, и непріятель былъ уже обладателемъ Смоленска въ началѣ Августа: такимъ образомъ всѣ подвозы остановились, и ни мало уже не заботились о снабженіи жизненными припасами города безъ защиты и угрожаемаго непріятельскимъ вторженіемъ. Въ послѣдствіи большая часть муки, на-

ходившейся въ казенныхъ магазинахъ и въ лавкахъ хлѣбныхъ торговцевъ, была обращена въ хлѣбы и сухари, и въ продолженіе тринадцати дней предъ входомъ Наполеона въ Москву шесть сотъ телегъ, нагруженныхъ сухарями, крупой и овсомъ отправлялись каждое утро къ арміи, а по сему и намѣреніе лишить непріятеля жизненныхъ припасовъ не могло имѣть своего существованія. Другое дѣло, гораздо важнѣйшее, должно было бы остановить исполненіе предпріятія пожара, (если когда-либо было оно предположено), а именно, дабы тѣмъ не заставить Наполеона принудить Князя Кутузова къ сраженію по выходѣ своемъ изъ Москвы, къ сраженію, котораго всѣ выгоды были на сторонѣ Французской арміи, имѣющей двойное число сражающихся, чѣмъ Русская армія, отягченная ранеными и нѣкоторою частію народа, убѣжавшаго изъ Москвы.

2. *Зажигательныя вещества, приготовляемыя нѣкіимъ Шмидтомъ, имѣющимъ препорученіе устроить воздушный шаръ.*

Пожаръ Москвы, не будучи никогда ни приготовленъ, ни устроенъ, зажигательныя вещества Шмидта сами по себѣ уничтожаются. Этотъ человѣкъ, будто бы нашедшій способъ управлять воздушнымъ шаромъ, занимался тогда устроеніемъ таковаго, и слѣдуя шарлатанству, просилъ о сохраненіи тайны на счетъ его работы. Между тѣмъ, уже слишкомъ увеличили исторію этаго шара, дабы сдѣлать изъ оной посмѣяніе для Русскихъ; но простофили очень рѣдки между ними, и никогда бы не могли увѣрить ни одного жителя Москвы, что этотъ Шмидтъ истребитъ Французскую армію посредствомъ своего шара, подобнаго тому, которой Французы употребили во время Флерюсскаго сраженія; и какую имѣли нужду устроивать фабрику зажигательныхъ

веществъ? Солома и сѣно гораздо были бы способнѣе для зажигателей, чѣмъ фейерверки, требующіе предосторожности, и столь же трудные къ сокрытію, какъ и къ управленію для людей, совсѣмъ къ тому непривыкшихъ.

3. *Петарды, найденныя въ печахъ моего дома, въ Москвѣ.*

Для чего мнѣ было класть петерды въ моемъ домѣ? Принимаясь топить печи, ихъ легко бы нашли, и даже въ случаѣ взорванія было бы токмо нѣсколько жертвъ, а не пожаръ.

Одинъ Французскій медикъ, стоявшій въ моемъ домѣ, сказывалъ мнѣ, что нашли въ одной печи нѣсколько ружейныхъ патроновъ; если по прошествіи нѣкотораго времени сдѣлались они петардами, то для чегожъ не сказать послѣ, что это были *сферы сжатія* (globes de compression)? Что касается до меня, то я оставляю изобрѣтеніе петардъ бюллетеню; или, если дѣйствительно нашли нѣсколько патроновъ

въ печахъ моего дома, то они могли быть положены послѣ моего выѣзда, чтобы чрезъ то подать еще болѣе повода думать, что я имѣлъ намѣреніе сжечь Москву. Равномѣрно и ракеты, будто бы найденныя у зажигателей, могли быть взяты въ частныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ приготовляются фейерверки для празниковъ, даваемыхъ въ Москвѣ и за городомъ.

4. Показанія зажигателей, взятыхъ, судимыхъ и потомъ разстрѣляныхъ.

Вотъ еще доказательство, представленное какъ несомнѣнное и убѣдительное, облеченное формою суда, показаніемъ осужденныхъ и смертію зажигателей. Наполеонъ объявляетъ въ двадцатомъ своемъ бюллетенѣ, что схватили, предали суду и разстрѣляли зажигателей; что всѣ сіи нещастные были взяты на мѣстѣ, снабженные зажигательными веществами и бросающіе огонь по моему приказанію.

Двадцатой бюллетень объявляетъ, что эти зажигатели — были колодники, бросившіе огонь въ пяти стахъ мѣстахъ въ одинъ разъ, что ни коимъ образомъ не возможно. Впрочемъ, можно ли полагать, чтобъ я далъ свободу колодникамъ, содержавшимся въ тюрмахъ, съ условіемъ жечь городъ, и что сіи люди могли исполнить мои приказанія во время моего отсутствія, предъ цѣлой непріятельской арміей? Но я хочу убѣдить всѣхъ тѣхъ, кои единственно судятъ по видимому, что колодники никогда не были къ тому употреблены.

По мѣрѣ приближенія Наполеоновой арміи къ какому-либо Губернскому городу, Гражданскіе Губернаторы всегда отправляли колодниковъ въ Москву подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ солдатъ. Вышло изъ того, что въ концѣ мѣсяца Августа Московскія тюрмы наполнены были колодниками Губерній Витебской, Могилевской, Минской и Смоленской. Число оныхъ, со включеніемъ

также и колодниковъ Московскихъ, состояло изъ осьми сотъ десяти человѣкъ, которые, подъ прикрытіемъ одного баталіона, взятаго изъ гарнизоннаго полку, были отосланы въ Нижній-Новгородъ двумя днями прежде входа непріятеля въ Москву. Они прибыли къ мѣсту своего назначенія, и въ началѣ 1813 года, во избѣжаніе затрудненія на счетъ разсылки ихъ по прежнимъ Губерніямъ, предписано было Судебнымъ Мѣстамъ Нижняго-Новгорода учинить и кончить ихъ процессъ тамъ.

Но процессъ, учиненный зажигателямъ (который напечатанъ, и котораго я имѣю у себя еще одинъ экземпляръ), объявляетъ, что были представлены тридцать человѣкъ, изъ коихъ каждый поименованъ, и между которыми тринадцать, будучи уличены въ зажигательствѣ города по моему приказанію, приговорены къ смерти. Между тѣмъ по двадцатому и двадцать первому бюллетеню разстрѣляно ихъ сначала сто,

а потомъ еще триста. По моемъ возвращеніи въ Москву я нашелъ и говорилъ съ тремя нещастными изъ числа тридцати, обозначенныхъ въ процессѣ: одинъ былъ служитель Князя Сибирскаго, оставленный при домѣ, другой, старый подметальщикъ въ Кремлѣ, третій, магазинный сторожъ.

Всѣ трое, допрашиваемые порознь, мнѣ сказали одно и то же въ 1812 году, что и два года послѣ того, то есть, что они взяты были въ первые дни Сентября мѣсяца (стар. штиля), одинъ во время ночи на улицѣ, двое другихъ въ Кремлѣ днемъ. Они оставались нѣкоторое время въ кордегардіи въ самомъ Кремлѣ; наконецъ однимъ утромъ препроводили ихъ съ десятью другими Русскими въ Хамовническія казармы; къ нимъ присоединили еще семнадцать другихъ человѣкъ, и отвели ихъ подъ сильнымъ прикрытіемъ къ Петровскому монастырю, находящемуся на бульварѣ. Тамъ они простояли почти цѣ-

лый часъ; послѣ чего, множество офицеровъ пріѣхало верхами и сошли на землю. Тридцать Русскихъ были поставлены въ одну линію, изъ коихъ отсчитавши тринадцать справа, поставили къ монастырской стѣнѣ и разстрѣляли. Тѣла ихъ были повѣшены на фонарные столбы съ Французскою и Русскою надписью, что это были зажигатели. Другіе семнадцать были отпущены и впредь уже нетревожимы.

Объявленіе сихъ людей (если оно справедливо) заставляетъ думать, что никто ихъ не допрашивалъ, и что тринадцать были растрѣляны по повелѣнію вышняго начальства.

5. *Показаніе одного человѣка, будто бы полицейскаго солдата, найденнаго въ Кремлевскихъ погребахъ и изрубленнаго на части солдатами Наполеоновой гвардіи.*

Этотъ нещастный полицейской солдатъ, или какъ онъ такимъ себя называлъ, найденный въ одномъ погребѣ, могъ ли сказать, что онъ оставался по

приказанію своего начальника? Между шѣмъ, кто былъ этотъ начальникъ? — Я ли? Полицмейстеръ ли? Офицеръ ли? сержантъ ли? Какое препоручіе дано ему было? Но ему не сдѣлали чести имъ заняться; онъ былъ изрубленъ гвардейскими солдатами.

6. *Вывезенныя пожарныя трубы.*

Я велѣлъ выпроводить изъ города двѣ тысячи сто человѣкъ пожарной команды и девяносто шесть трубъ (ибо ихъ было по три въ каждой Части) наканунѣ входа неприятеля въ Москву. Былъ также корпусъ Офицеровъ, опредѣленный на службу при пожарныхъ трубахъ, и я не разсудилъ за благо оставить его для услугъ Наполеона, выведши уже изъ города всѣ гражданскіе и военные чины.

Между шѣмъ, очень естественно желать знать подлинно, кто бросалъ огонь и производилъ пожаръ Москвы. И такъ, вотъ подробности, которыя я могу доставить о семъ происшествіи,

которое Наполеонъ складываетъ на меня, которое Русскіе складываютъ на Наполеона, и которое не могу я приписать ни Русскимъ, ни непріятелямъ исключительно. Половина Русскихъ людей, оставшихся въ Москвѣ, состояла изъ однихъ токмо бродягъ, и легко статься можетъ, что они старались о распространеніи пожаровъ, дабы съ бо́льшею удобностію грабить въ безпорядкѣ. Но это еще не можетъ быть убѣдительнымъ доказательствомъ, что существовалъ планъ для сожженія города, и что этотъ планъ и его исполненіе были моимъ дѣломъ.

Главная черта Русскаго характера есть некорыстолюбіе и готовность скорѣе уничтожить, чѣмъ уступить, оканчивая ссору сими словами: *не доставайся же никому*. Въ частыхъ разговорахъ съ купцами, мастеровыми и людьми изъ простаго народа, я слыхалъ слѣдующее выраженіе, когда они съ горестію изъявляли свой страхъ, чтобъ

Москва не досталась въ руки непріятеля: *лучше ее сжечь.* Во время моего пребыванія въ главной квартирѣ Князя Кутузова я видѣлъ многихъ людей, спасшихся изъ Москвы послѣ пожара, которые хвалились тѣмъ, что сами зажигали свои домы.

Вотъ подробности, собранныя мною по моемъ возвращеніи въ Москву; я ихъ представлю здѣсь точно въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ ко мнѣ пришли. Я не былъ свидѣтелемъ оныхъ, ибо находился въ отсутствіи.

Въ Москвѣ есть цѣлая улица съ каретными лавками, и въ которой живутъ одни только каретники. Когда армія Наполеона вошла въ городъ, то многіе Генералы и Офицеры бросились въ этотъ кварталъ, и обошедши всѣ заведенія онаго, выбрали себѣ кареты и замѣтили ихъ своими именами. Хозяева, по общему между собою согласію, не желая снабдить каретами непріятеля, зажгли всѣ свои лавки.

Одинъ купецъ, ушедшій съ своимъ семействомъ въ Ярославль, оставилъ одного своего племянника имѣть печность о его домѣ. Сей послѣдній, по возвращеніи Полиціи въ Москву, пришелъ объявить ей, что семнадцать мертвыхъ тѣлъ находятся въ погребѣ его дяди, и вотъ какъ онъ разсказывалъ о семъ происшествіи. На другой день входа непріятеля въ городъ четыре солдата пришли къ нему; осмотря домъ, и не нашедши ничего съ собой унести, сошли въ погребъ, находящійся подъ онымъ, нашли тамъ сотню бутылокъ вина, и давши разумѣть знаками племяннику купца, чтобъ онъ поберегъ оныя, возвратились опять ввечеру, въ сопровожденіи тринадцати другихъ солдатъ, зажгли свѣчи, принялись пить, пѣть и потомъ спать. Молодой Русской купецъ, видя ихъ погруженныхъ въ пьяной сонъ, вздумалъ ихъ умертвить. Онъ заперъ погребъ, завалилъ его каменьями и убѣжалъ на ули-

цу. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, размысливши хорошенько, что эти семнадцать человѣкъ могли бы какимъ нибудь образомъ освободиться изъ своего заточенія, встрѣтиться съ нимъ и его умертвить, онъ рѣшился зажечь домъ, что и исполнилъ посредствомъ соломы.

Вѣроятно, что эти нещастные семнадцать человѣкъ задохлись отъ дыму. Два человѣка, одинъ дворнинъ Г-на Муравьева, а другой купецъ, были схвачены при зажиганіи своихъ домовъ и разстрѣляны.

Съ другой стороны, Москва, будучи цѣлію и предметомъ похода Наполеона въ Россію, разграбленіе сего города было обѣщано арміи. Послѣ взятія Смоленска солдаты нуждались въ жизненныхъ припасахъ и питались иногда рожью въ зернахъ и лошадинымъ мясомъ; очень естественно, что сіи войска, пришедши въ обширный городъ, оставленный жителями, разсыпались

по домамъ для сниcканія себѣ пищи и для грабежа. Уже въ первую ночь по занятіи Москвы большой корпусъ лавокъ, находящійся противъ Кремля, былъ весь въ пламени. Въ послѣдствіи, и даже безпрерывно, были пожары во многихъ частяхъ города; но въ пятый день ужасный вихрь разнесъ пламень повсюду, и въ три дни огонь пожралъ семь тысячь шесть сотъ тридцать два дома. Не льзя ожидать большой предосторожности со стороны солдатъ, которые ходили ночью по домамъ съ свѣшными огарками, лучиною и факелами; многіе даже разкладывали огонь посрединѣ дворовъ, дабы грѣться. Денной приказъ, дававшій право каждому полку, расположенному на бивакахъ близь города, посылать назначенное число солдатъ для разграбленія домовъ *уже сожженныхъ*, былъ, такъ сказать, приглашеніемъ или позволеніемъ умножить число оныхъ. Но то, что болѣе всего утверждаетъ Русскихъ во мнѣніи, что

Москва была сожжена непріятелемъ, есть весьма безполезное взорваніе Кремля.

Вотъ все, что я могу сказать о великомъ происшествіи Московскаго пожара, которое тѣмъ еще болѣе показалось удивительнымъ, что нѣтъ ему примѣра въ Исторíи.

Наполеонъ оставилъ на три дни Кремль и возвратился ожидать мира посреди дымящихся развалинъ; но судьба его рѣшилась, и перстъ Провидѣнія назначилъ Москву быть началомъ его паденія, такъ какъ островъ Святой Елены концемъ его подвиговъ.

Теперь сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія на книгу, недавно изданную въ свѣтъ М. М. ***, подъ заглавіемъ: *О походѣ въ Россію.* Я въ ней нашелъ много правды и безпристрастія, за исключеніемъ токмо Исторической части о занятіи Москвы. Ничего не буду говорить о пожарѣ, но открою нѣкоторыя ошибки М. М. *** на счетъ многихъ происшествій, которыя онъ описываетъ, но-

вторяя увѣренія многихъ писателей, мало заботившихся о исправности. Это не касается военныхъ операцій, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ, и которыя описываетъ онъ какъ опытный Офицеръ. Его критика благоразумна; онъ не превращаетъ исторію въ романъ и нимало непохожъ на тѣхъ авторовъ, которымъ нравится говорить глупости не только о частныхъ людяхъ, но даже о цѣлыхъ націяхъ, какъ на примѣръ издатель журнала: Le Miroire, который обьявляетъ, что *Русской не боится смерти въ сраженіяхъ, единственно страшась кнута*; газеты, которымъ угодно называть Русскія арміи дикими, козацкими и прочій наборъ безсмысленныхъ злословій и лжи, равномѣрно какъ и слѣдующія книги: De la Russie et de l'esclavage, du Desastre de Moscou, и пр. Чтожъ касается именно до меня, то и конца бы не было, если бы я хотѣлъ говорить о всѣхъ глупостяхъ, сказанныхъ на мой счетъ: то иногда я безызвѣст-

наго происхожденія; то изъ подлаго званія, употребленный къ низкимъ должностямъ при Дворѣ; то шутъ Императора Павла; то назначенный въ духовное состояніе, воспитанникъ Митрополита Платона, обучавшійся во всѣхъ городахъ Европы; толстъ и худощавъ, высокъ и малъ, любезенъ и грубъ. Нимало не огорчаясь вздорами, столь щедро на счетъ мой расточенными кропателями исторій, я представлю здѣсь мою службу. Я былъ Офицеромъ Гвардіи и Каммеръ-Юнкеромъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II; Генералъ-Адъютантомъ, Министромъ Иностранныхъ дѣлъ и Главнымъ Директоромъ Почтъ въ царствованіе Императора Павла Iго; Оберъ-Каммергеромъ и Главнокомандующимъ Москвы и ея Губерніи при нынѣшнемъ ИМПЕРАТОРѢ. Чтожъ касается до моего происхожденія, то, не во гнѣвъ господамъ разсуждающимъ подъ краснымъ колпакомъ, я скажу, что родоначальникъ нашей фамиліи, поселившійся въ Россіи

назадъ тому болѣе трехъ столѣтій, происходилъ по прямой линіи отъ одного изъ сыновей Чингисъ - Хана.

Въ книгѣ, на которую я дѣлаю замѣчанія, М. М. *** представляетъ меня человѣкомъ съ запальчивымъ характеромъ. Первый, который сказалъ это какъ ни попало (ибо прочіе уже въ слѣдъ за нимъ повторили), очень бы затруднился въ доказательствахъ имъ сказуемаго. Прежде, нежели произнести свой приговоръ о поступкахъ и поведеніи человѣка Государственнаго, надобно, если не хотятъ учинить несправедливости, обратить свое вниманіе на время, мѣсто, обстоятельства и узнать хорошенько причины, заставляющія его такимъ или другимъ образомъ дѣйствовать. Выбросите изъ моего правленія 1812 года зажигательный факелъ, которымъ угодно было Наполеону для собственныхъ своихъ выгодъ вооружить мою руку, то найдутъ планъ, отъ котораго я никогда не отступалъ, и который исполнялъ я

сЪ спокойствіемЪ и терпѣніемЪ. Другой на моемЪ мѣстѣ не употребилЪ бы, можетЪ быть, столько дѣятельности; но были три причины, которыя воспламеняли безпрестанно моё рвеніе вЪ сію губительную эпоху: это была слава моего Отечества, важность поста, препорученнаго мнѣ ГосударемЪ, и благодарность кЪ милостямЪ Императора Павла I го. Столько было дѣлЪ, что не доставало времени сдѣлаться больнымЪ, и я не понимаю, какЪ могЪ я перенести столько трудовЪ. ОтЪ взятія Смоленска до моего выѣзда изЪ Москвы, то есть, вЪ продолженіе двадцати трехЪ дней я не спалЪ на постелѣ; я ложился, ни мало не раздѣваясь, на канапѣ, будучи безпрестанно пробуждаемЪ то для чтенія депешей, приходящихЪ тогда ко мнѣ со всѣхЪ сторонЪ, то для переговоровЪ сЪ курьерами и немедленнаго отправленія оныхЪ. Я пріобрѣлЪ увѣренность, что есть всегда способЪ быть полезнымЪ своему Отечеству,

когда слышишь его взывающій голосъ: *жертвуй собою для моего спасенія.* Тогда пренебрегаешь опасностями, не уважаешь препятствіями, закрываешь глаза свои на счетъ будущаго; но въ ту минуту, когда займешься собою и станешь разсчитывать, то ничего не сдѣлаешь порядочнаго и входишь въ общую толпу народа.

Я имѣлъ въ виду два предмета весьма важные, отъ которыхъ, полагалъ, зависитъ истребленіе Французской арміи, а именно: чтобъ сохранить спокойствіе въ Москвѣ и вывести изъ оной жителей. Я успѣлъ свыше моихъ надеждъ. Тишина продолжалась даже до самой минуты вшествія непріятеля, и изъ двухъ сотъ сорока тысячь жителей осталось только отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячь человѣкъ, которые были или мѣщане, или иностранцы, или люди изъ простаго званія народа, но ни одинъ значительный человѣкъ ни изъ Дворянства, ни изъ Ду-

ховенства или купечества. Сенатъ, Судебныя Мѣста, всѣ Чиновники, оставили городъ нѣсколькими днями прежде его занятія непріятелемъ. Я хотѣлъ лишить Наполеона всей возможности составить сношеніе Москвы со внутренностію Имперіи и употребить въ свою пользу вліяніе, которое Французъ пріобрѣлъ себѣ въ Европѣ своею литтературою, своими модами, своею кухнею и своимъ языкомъ. Сими средствами непріятели могли бы сблизиться съ Рускими, получить довѣренность, а наконецъ и самыя услуги; но посреди людей, оставшихся въ Москвѣ, обольщеніе было безъ всякаго дѣйствія, какъ посреди глухихъ и нѣмыхъ.

Нарушенное спокойствіе въ Москвѣ могло бы произвесть весьма дурныя впечатлѣнія на духъ Русскихъ, которые обращали тогда на нее свои взоры и ей подражали и слѣдовали. Изъ нее-то распространился этотъ пламенный патріотизмъ, эта потребность по-

жертвованій, этотъ воинскій жаръ и это желаніе мщенія противъ враговъ, дерзнувшихъ проникнуть столь далеко. По мѣрѣ, какъ извѣстіе о занятіи Москвы дѣлалось извѣстнымъ въ провинціяхъ, народъ приходилъ въ ярость; и дѣйствительно, подобное происшествіе должно было казаться весьма чрезвычайнымъ такой націи, на землю которой не ступалъ непріятель болѣе цѣлаго вѣка, считая отъ вторженія Карла XII, Короля Шведскаго. Наполеонъ имѣлъ равную съ нимъ участь: оба потеряли свою армію, оба были бѣглецы, одинъ у Турковъ, другой у Французовъ.

Небольшое сочиненіе, изданное мною въ 1807 году, имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ Французовъ, живущихъ въ Россіи, которые старались уже пріучить умы къ тому мнѣнію, что должно будетъ нѣкогда намъ пасть предъ арміями Наполеона. Я не говорилъ о нихъ добраго;

но мы были въ войнѣ, а потому и позволительно Русскимъ не любить ихъ въ сію эпоху. Но война кончилась, и Русской, забывъ злобу, возвращался къ симпатіи, существующей всегда между двумя великодушными народами. Онъ не сохранилъ сего зложелательства, которое Французы оказываютъ даже до сего времени чужеземцамъ и не прощаютъ имъ двойное занятіе Парижа, какъ и трехлѣтнее ихъ пребываніе во Франціи. Впрочемъ, я спрашиваю: гдѣ та земля, въ которой три тысячи шестьсотъ тридцать Французовъ, живущихъ въ одномъ токмо столичномъ городѣ, готовомъ уже быть занятымъ ихъ соотечественниками, могли бы жить не только спокойно, но даже заниматься своей коммерціей и отправлять свои работы? Ни одинъ человѣкъ не былъ оскорбленъ, и кабаки, во время мнимаго безпорядка при вшествіи Наполеона въ Москву, не могли быть разграблены; ибо въ слѣд-

ствіе моего приказанія не находилось въ нихъ ни одной капли вина.

Московскій Почт-Директоръ никогда не былъ посыланъ въ Сибирь, но удаленъ въ Воронежъ, совсѣмъ по другимъ причинамъ, какія объявляетъ одна Нѣмецкая газета.

Прокламаціи, мною публикованныя, имѣли единственно въ предметѣ утишеніе безпокойства; между тѣмъ всѣ знали очень хорошо о происходившемъ: военныя извѣстія съ величайшею скоростію приходили однѣ за другими отъ Смоленска къ Москвѣ. Основаніемъ моихъ бюллетеней служили получаемыя мною увѣдомленія, сначала отъ Генерала Барклая, а потомъ отъ Князя Кутузова. Что касается до выраженій, то онѣ не могли быть оскорбительнѣе для непріятеля Французскихъ прокламацій 1814 года, въ которыхъ говорили, что Русскіе любятъ ѣсть мясо младенцевъ.

Ненависть между мною и Княземъ Кутузовымъ никогда не существовала,

да и время не было заниматься оной. Мы не имѣли никакихъ выгодъ обманывать другъ друга, и не могли трактовать вмѣстѣ о сожженіи Москвы, ибо никто о томъ и не думалъ. Правда, что во время моего съ нимъ свиданія у заставы онъ увѣрялъ меня о намѣреніи дать сраженіе, а вечеромъ, послѣ военнаго совѣта, держаннаго на скорую руку, онъ прислалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что въ слѣдствіе движенія непріятеля, онъ видитъ, къ сожалѣнію, себя принужденнымъ оставить Москву, и что идетъ расположиться съ своей арміей на большой Рязанской дорогѣ.

Изъ всего вышесказаннаго мною видно, что М. М*** впалъ въ противорѣчіе; ибо, полагая вражду между Княземъ Кутузовымъ и мною, онъ разрушилъ всякую возможность взаимной довѣренности. Если бы дѣлаться врагами всѣхъ тѣхъ, коихъ мы осуждаемъ, то

трудъ М. М*** доставилъ бы ему значительное количество оныхъ.

До 1806 я не имѣлъ противъ Наполеона ненависти болѣе какъ и послѣдній изъ Русскихъ; я избѣгалъ говорить о немъ, сколько могъ, ибо находилъ, что писали на его счетъ слишкомъ и слишкомъ рано. Народы Европы будутъ долго помнить то зло, которое причинилъ онъ имъ войною, и въ классѣ просвѣщенномъ два существующія поколѣнія раздѣлятся между энтузіазмомъ къ завоевателю и ненавистію къ похитителю. Я даже объявлю здѣсь откровенно мое вѣрованіе въ отношеніи къ нему: Наполеонъ былъ въ глазахъ моихъ великимъ Генераломъ послѣ Италіянскаго и Египетскаго похода; благодѣтелемъ Франціи, когда прекратилъ онъ революцію во время своего Консульства; опаснымъ деспотомъ, когда сдѣлался Императоромъ; ненасытнымъ завоевателемъ до 1812 года; человѣкомъ, упоеннымъ славою и ослѣ-

пленнымЪ счастіемЪ, когда предпринялЪ завоеваніе Россіи; униженнымЪ геніемЪ вЪ Фонтенебло и послѣ Ватерлоскаго сраженія, а на островѣ Св. Елены плачущимЪ прорицателемЪ. НаконецЪ, я думаю, что умерЪ онЪ сЪ печали, не имѣя уже возможности возмущать болѣе свѣтЪ и видя себя заточеннымЪ на голыхЪ скалахЪ, чтобы быть терзаему воспоминаніемЪ прошедшаго и мученіями настоящаго, не имѣя права обЪвинять никого другаго, кромѣ самаго себя, будучи самЪ причиною и своего возвышенія и своего паденія. Я очень часто сожалѣлЪ, что ГенералЪ Тамара, имѣвшій препорученіе, вЪ 1789 году, во время войны сЪ Турками, устроить флотилію вЪ СредиземномЪ морѣ, не принялЪ предложенія Наполеона о пріемѣ его вЪ Русскую службу; но чинЪ Маіора, котораго онЪ требовалЪ, какЪ ПодполковникЪ Корсиканской Національной Гвардіи, былЪ причиною отказа.

Я имѣлъ это письмо много разъ въ своихъ рукахъ.

Что касается до Французскихъ революціонеровъ и ихъ учениковъ въ другихъ земляхъ, то я возгнушался ихъ намѣреніемъ, какъ только оно сдѣлалось извѣстнымъ по своему успѣху. Все, что произошло въ Европѣ въ продолженіе тридцати лѣтъ, утвердило меня въ моемъ мнѣніи на счетъ тѣхъ, которыхъ предпріятія касались къ низпроверженію правительствъ. Какое дѣло до того, подъ какимъ названіемъ эти люди скрываются, или извѣстны; эгоизмъ ими предводитъ, корыстолюбіе ихъ ослѣпляетъ.

Къ несчастію, въ семъ вѣкѣ, въ которомъ столько происшествій пріучили два поколѣнія избавлять себя отъ правилъ, внушающихъ должное уваженіе къ Вѣрѣ и Престолу, горсть крамольниковъ и честолюбцевъ довольно свободно достигаетъ до обольщенія народа, говоря, смотря по обстоятельствамъ,

о благополучіи, богатствѣ, свободѣ, славѣ, завоеваніи и мщеніи; его возмущаютъ, ведутъ и низвергаютъ въ ужасную пропасть бѣдствій. Дошли даже до того, что стали почитать революцію какою-то потребностію духа времени, и чтобъ умножить лавину бунта (avalanche de la révolte), то представляютъ въ блистательной перспективѣ выгоды конституціи, не заботясь нимало, прилична ли она странѣ, жителямъ и сосѣдямъ. Вотъ болѣзнь нынѣшняго вѣка! эта горячка опаснѣе всѣхъ горячекъ, даже и самой моровой язвы; ибо не только что повальная и заразительная, но сообщается чрезъ разговоръ и чтеніе. Ея признаки очень замѣтны: она начинается наборомъ пышныхъ словъ, которыя, кажется, выходятъ изъ устъ какого нибудь законодавца, друга человѣчества, Пророка или могущественнаго владѣтеля; потомъ является тысяча оскорбленій противъ всякой власти, жажда обладанія, не-

умѣренный аппетитъ богатства, наконецъ бредъ, въ продолженіе котораго больной карабкается какъ можно выше, опрокидывая все предъ собою.

Не смотря на всѣ усилія возмутителей, народы, приведенные въ заблужденіе на нѣкоторое время, окончатъ въ послѣдствіи тѣмъ, что возвратятся опять къ прежнему порядку вещей или отъ дѣйствія размышленія, или отъ усталости, или даже отъ самыхъ излишностей; ибо очень скоро узнается, что весь свѣтъ не можетъ быть богатымъ, и что нѣтъ довольно мѣста на тронѣ для многихъ тысячь подданныхъ, желающихъ превратиться въ Государей, чтобы царствовать надъ націей, которая нимало о томъ и не заботится. Уже доказано Исторіей, что каждый народъ, бунтующій противъ своего Государя, дѣлаетъ худшимъ свое состояніе и дорого платитъ за свое заблужденіе: ибо, если въ борьбѣ законный владѣтель восторжествуетъ

надъ крамольниками, то никогда не захочетъ онъ согласиться на то, чего они желаютъ; въ противномъ же случаѣ, если законный владѣтель падаетъ, защищая свои права противъ возмутившихся подданныхъ, то тогда сіи мгновенно переходятъ подъ власть военнаго деспотизма, ибо, за недостаткомъ какого нибудь Наполеона, вездѣ найдется много Итурбидовъ.

Депутація города Москвы, о которой говоритъ М. М. ***, состояла изъ дюжины простыхъ людей, очень худо одѣтыхъ. Представлявшій въ семъ торжественномъ случаѣ и Дворянство и Духовенство и Чиновниковъ и купеческое сословіе былъ ни что иное, какъ типографской факторъ. Наполеонъ, видя всю странность такой комедіи, обратился къ нему спиною.

Отрядъ полицейскихъ драгуновъ, о которыхъ говоритъ М. М ***, состоялъ изъ десяти человѣкъ для препровожденія повозки, въ которой находи-

лись Государственныя бумаги. Что касается до меня, то я былъ верхомъ, и не прежде оставилъ городъ, какъ въ ту минуту, когда стали палить изъ пушекъ въ Кремлѣ.

Прежде, нежели окончу сіе небольшое сочиненіе, я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія на бюллетени Наполеона, изданныя въ Москвѣ. Читатели сами увидятъ, могутъ ли сіи оффиціальныя бумаги служить матеріаломъ для Исторіи.

Бюллетени.	Замѣчанія.
No 19, отъ 16го Сентября.	
„Совершеннѣйшее безначаліе царствовало въ городѣ; пьяные колодники бѣгали по улицамъ и бросали огонь повсюду.	„Малое число жителей, оставшихся въ городѣ, сидѣли запершись дома, удержанные страхомъ и неизвѣстностію. Если во время вшествія Наполеона колондники

„бросали уже огонь, то „для чего ихъ не оста- „новили?

„Губернаторъ „Ростопчинъ ве- „лѣлъ выслать „всѣхъ купцовъ и „торгующихъ, „посредствомъ „которыхъ мож- „но бы было воз- „становить по- „рядокъ.

„Всѣ эти люди уѣха- „ли сами по себѣ преж- „де нѣсколькими дня- „ми. Впрочемъ, какой „порядокъ могли воз- „становить купцы въ „главной квартирѣ и во „всей арміи?

„Болѣе четы- „рехъ сотъ „Французовъ и „Нѣмцовъ задер- „жаны по его „приказанію.

„Ни одинъ.“

„Наконецъ, онъ „велѣлъ выслать „пожарную

„Я о томъ уже гово- „рилъ: девяносто шесть „трубъ со всей прислу-

„команду и тру-
„бы.

„гой и запряжной бы-
„ли отосланы во внут-
„ренность Имперіи.

„Тридцать ты-
„сячь раненыхъ
„или больныхъ
„Русскихъ нахо-
„дятся въ гош-
„питаляхъ, ос-
„тавленные безъ
„помощи и пи-
„щи.

„Отъ шестнадцати
„до семнадцати тысячь
„были отправлены на
„четырехъ тысячахъ
„подводахъ наканунѣ
„занятія Москвы въ Ко-
„ломну, откуда они по-
„плыли Окою на боль-
„шихъ крытыхъ бар-
„кахъ въ Рязанскую Гу-
„бернію, гдѣ были учре-
„ждены Гошпитали.
„Двѣ тысячи раненыхъ
„оставалось въ Москвѣ.

„Русскіе поте-
„ряли пятьде-
„сятъ тысячь
„человѣкъ въ сра-
„женіи при Мо-

„Мы потеряли толь-
„ко убитыми и ране-
„ными отъ тридцати
„пяти до тридцати ше-
„сти тысячь человѣкъ,

„сквѣ рѣкѣ (bat-
„taille de la Mosko-
„wa). Число уби-
„тыхъ и ране-
„ныхъ Генера-
„ловъ, подня-
„тыхъ на мѣстѣ
„сраженія, про-
„стирается до
„сорока пяти,
„или пятидеся-
„ти.

„тысячу семь сотъ
„тридцать два офице-
„ра и осьмнадцать Ге-
„нераловъ. Наполеонъ
„потерялъ убитыми и
„ранеными болѣе пя-
„тидесяти тысячь че-
„ловѣкъ, тысячу двѣ-
„сти Офицеровъ и со-
„рокъ девять Генера-
„ловъ. Мнѣ достались
„всѣ рапорты отъ од-
„ного Офицера, кото-
„рому они были пре-
„поручены, и кои на-
„ходились въ канцеля-
„ріи Князя Невшатель-
„скаго. Этотъ Офи-
„церъ, раненый при
„Бородинѣ, находился
„въ Голицынской боль-
„ницѣ.

20 Бюллетень, 17 Сентября.

„Нашли въ домѣ „этаго негоднаго „го Ростопчина „(miserable Rostop-„schine) нѣко-„торыя бумаги „и одно письмо „недоконченное.

„Всѣ этѣ бумаги, по „большей части ничего „незначущія, были от-„биты козаками, и не „стоили труда быть „ко мнѣ опять доста-„вленными. Я не былъ „захваченъ въ расплохъ, „еще менѣе удивленъ „вшествіемъ непріяте-„ля, а потому и имѣлъ „бы время окончить „письмо. Я выѣхалъ не „торопясь верьхомъ „чрезъ Серпуховскую „заставу, и не прежде „оставилъ городской „валъ, какъ увѣдомили „меня, что Француз-„ской авангардъ вошелъ „уже въ городъ.

„16 Числа воз-
„сталъ жесто-
„кій вихрь; отъ
„трехъ до четы-
„рехъ сотъ мо-
„шенниковъ бро-
„сили огонь по
„городу въ пяти
„стахъ мѣстахъ
„въ одинъ разъ
„по приказанію
„Губернатора
„Ростопчина.

„Такимъ образомъ сіи
„отъ трехъ до четы-
„рехъ сотъ мошенни-
„ковъ, въ ожиданіи же-
„стокаго вихря, оста-
„вались четыре дни
„посреди Французской
„арміи. Надобно, чтобъ
„они были весьма ис-
„кусны, чтобы бросить
„огонь въ пяти стахъ
„мѣстахъ въ одинъ разъ,
„будучи только въ чи-
„слѣ отъ трехъ до че-
„тырехъ сотъ чело-
„вѣкъ. Чтожъ касает-
„ся до моего имени,
„то оно служитъ при-
„пѣвомъ къ пожару,
„какъ припѣвъ Марль-
„боруга въ пѣсни.

„Церквей, ихъ
„было тысячу
„шесть сотъ.

„Ихъ было не болѣе
„двухъ сотъ шестиде-
„сяти семи.

„Эта потеря не-„исчислима для „Россіи; если „оцѣнить то въ „нѣсколько ты-„сячь милліо-„новъ, то еще „не велика бу-„детъ оцѣнка.

„По изчисленію, сдѣ-„ланному Коммиссіей, „убытки произведен-„ные пожаромъ и вой-„ною, какъ въ самомъ „городѣ, такъ и въ „Московской Губерніи, „не превышали 321 „милліона рублей; та-„кимъ образомъ, это „еще слишкомъ далеко „отъ нѣсколькихъ ты-„сячь милліоновъ.

„Тридцать ты-„сячь Русскихъ „раненыхъ и „больныхъ сго-„рѣли.

„Я уже сказалъ, что „ихъ не болѣе было „двухъ тысячь, и два „гошпиталя, въ кото-„рыхъ они находились, „также не сгорѣли.

„И привели двѣ-„сти тысячь че-„стныхъ жите-

„По возвращеніи мо-„емъ въ Москву, послѣ „выхода непріятеля, я

„лей въ бѣдность;
„это злодѣяніе
„Ростопчина, ис-
„полненное пре-
„ступниками, о-
„свобожденными
„изъ тюремъ.

„нашелъ въ ней отъ
„тысячи двѣсти до
„тысячи пяти сотъ
„человѣкъ изъ бѣднаго
„состоянія народа въ
„величайшей нуждѣ:
„они были помѣщены
„по квартирамъ, одѣты
„и кормлены въ про-
„долженіе цѣлаго года
„на счетъ Казны.
„Чтожъ касается до
„преступниковъ, упо-
„требленныхъ для за-
„жигательства, какъ
„говоритъ бюллетень,
„то они находились
„тогда по крайней мѣ-
„рѣ за пятьдесятъ миль
„отъ Москвы, оста-
„вивши ее за четыре
„дни прежде того.

„Солдаты нахо-
„дили и нахо-

„Такъ; но мѣха при-
„возятся по первому

„дятъ множест-
„во шубъ и мѣ-
„ховъ для зимы.
„Москва мага-
„зинъ оныхъ.

„зимнему пути, оста-
„валось же ихъ очень
„мало: ибо ополченіе
„Московское, Тверское,
„Ярославское и Влади-
„мірское купило оныхъ
„на семьдесятъ одну
„тысячу рублей.

21 й Бюллетень,
20 Сентября.

„Триста зажи-
„гателей были
„схвачены и раз-
„стрѣляны.

„Такимъ образомъ,
„это ошибка въ двухъ
„стахъ осмидесяти се-
„ми человѣкахъ; ибо
„я уже сказалъ, что
„ихъ разстрѣляно было
„только тринадцать.

„Прекрасный
„Дворецъ Ека-
„терины, вновь
„меблированный.

„Онъ никогда не былъ
„меблированъ: постро-
„енный на концѣ го-
„рода, онъ обращенъ

„былъ во время Импе-
„ратора Павла въ ка-
„зармы, а я помѣстилъ
„въ немъ гошпиталь
„для раненныхъ.

„Въ то время, „какъ Ростоп- „чинъ вывозилъ „пожарныя тру- „бы изъ города, „онъ оставлялъ „шестьдесятъ „тысячь ружей, „сто пятьдесятъ „пушекъ и одинъ „милліонъ пять- „сотъ патроновъ „и проч.

„Тысяча шестьсотъ „починенныхъ ружей „въ Арсеналѣ были от- „даны Московскому „ополченію; чтожъ ка- „сается до пушекъ, то „ихъ было девяносто „четыре шести-фун- „товаго калибра съ ла- „фетами и пороховыми „ящиками. Онѣ были „отправлены въ Ниж- „ній-Новгородъ до вхо- „да непріятеля въ Мо- „скву, который нашелъ „въ Арсеналѣ только „шесть разорванныхъ

„пушекъ безъ лафетовъ „и двѣ огромнѣйшія „гаубицы. Поелику На„полеонъ принужденъ „былъ самъ оставить „въ Кремлѣ болѣе ты„сячи повозокъ разна„го разбора, то и не „могъ онъ увезти Рус„скихъ пушекъ, и мы „бы нашли ихъ на пре„жнемъ мѣстѣ. Боль„шая часть сей артил„лерiи была въ похо„дѣ 1813 года съ опол„ченiемъ, устроен„нымъ Генераломъ Гра„фомъ Толстымъ; „оставался одинъ толь„ко пороховый мага„зинъ, тотъ самой, „въ которомъ дѣлали „патроны для Русской

„арміи даже въ послѣд-
„нюю ночь перехода
„ея чрезъ Москву. Онъ
„сожженъ не по такой
„неосторожности, по
„какой сожженъ слиш-
„комъ рано мостъ въ
„Лейпцигѣ.

„Пожаръ сей
„Столицы от-
„талкиваетъ
„Россію цѣлымъ
„вѣкомъ назадъ.

„Столица вновь вы-
„строилась, — доказа-
„тельство, что ея жи-
„тели не разорились.
„Она заключаетъ въ се-
„бѣ столько же жите-
„лей, какъ и прежде по-
„жара, съ тою только
„ризницей, что все
„выстроено изъ камня.
„Великолѣпные Двор-
„цы, улицы совершен-
„но новыя и превосхо-
„дныя публичныя пло-

„щади дѣлаютъ ее пре-
„краснѣйшимъ горо-
„домъ въ Европѣ, благо-
„даря попеченію и оте-
„ческимъ заботамъ ИМ-
„ПЕРАТОРА АЛЕК-
„САНДРА; и Россія,
„вмѣсто того, чтобъ
„отстать цѣлымъ вѣ-
„комъ назадъ, узнала
„свои силы, свое бо-
„гатство и чрезвычай-
„ныя свои пособія.

„Въ Кремлѣ на-
„шли многія
„украшенія, упо-
„требляемыя
„при коронова-
„ніи ИМПЕРА-
„ТОРОВЪ, и всѣ
„знамена, взя-
„тыя у Турковъ

„Украшенія, употре-
„бляемыя при короно-
„ваніи и которыя со-
„ставляютъ часть со-
„кровищъ, равномѣрно
„и Патріаршескія, цѣ-
„нимыя въ 21 милліо-
„онъ рублей, были от-
„правлены прежде не-

„во продолженіе „цѣлаго столѣ- „тія.

„пріятеля въ Нижній- „Новгородъ и въ Во- „логду. Чтожъ касает- „ся до знаменъ, взя- „тыхъ во время войнъ „у враговъ Россіи, то „онѣ всѣ находятся въ „Петербургскомъ Арсе- „налѣ.

23 й Бюллетень, 9 Октября.

„Нашли икону, „украшенную „бриллiянтами; „ее отослали „также въ Па- „рижъ.

„Обыкновенно въ Рос- „сіи украшаютъ драго- „цѣнными каменьями „иконы, содержимыя „въ особенномъ почи- „таніи. Кажется, что „сей трофей не достигъ „до Франціи, равно- „мѣрно какъ и тотъ „огромный крестъ, ко-

„торый находился на
„высокой колокольнѣ,
„называемой *Иванъ Ве-*
„*ликій.* Онъ былъ же-
„лѣзной позолоченный;
„но Нѣмецкій путеше-
„ственникъ, Адамъ Оле-
„арій, бывшій въ Мо-
„сквѣ во время Царя
„Алексѣя Михайлови-
„ча, сказывалъ (не знаю
„почему), что сей
„крестъ былъ весь изъ
„серебра позолоченный.
„Такимъ образомъ, какъ
„лишь только увидѣли,
„что онъ былъ желѣ-
„зный, то и оставили
„его.

„Кажется, что
„Ростопчинъ со-
„шелъ съ ума.

„Не знаю, по чему
„Наполеонъ дѣлаетъ ме-
„ня сумасшедшимъ.

„Вѣ Вороновѣ „онѣ зажегѣ свой „за́мокѣ.	„Я зажегѣ мой за́-„мокѣ по той самой „причинѣ, которую обѣ-„явилѣ вѣ надписи, при-„клеенной кѣ церков-„ной двери, и сдѣлалѣ „это единственно для „предупрежденія при-„казанія, даннаго од-„ному Офицеру, по-„сланному вѣ Вороно-„во, который нашелѣ „одинѣ только пеплѣ. „Онѣ разсказалѣ это „одному Русскому Пол-„ковнику, поднявшему „его во время ретира-„ды по переходѣ чрезѣ „Березину. Наполеонѣ „любилѣ жечь; доказа-„тельствомѣ тому слу-„житѣ приказѣ, дан-„ный Маршалу Мортье,

„чтобы позаботиться
„зажечь оба мои дома
„(Expedition de Russie, to-
„me II, page 244). Тотъ,
„который находится
„близъ заставы, былъ
„сожженъ, но Москов-
„скій остался цѣлъ;
„ибо на другой день
„по выходѣ большой
„арміи Москва была
„уже наполнена коза-
„ками и вооруженными
„поселянами, пробѣгаю-
„щими по всѣмъ ея ули-
„цамъ.

„Русская армія „отрекается „отъ Московска-„го пожара; про-„изводители се-„го покушенія	„Русская армія была „увѣрена, что Москва „сожжена непріяте-„лемъ, и не могла счи-„тать меня заодно съ „Маратомъ, не вѣдая да-

„ненавидимы въ
„Россіи. Ростоп-
„чина считаютъ
„за одно съ Ма-
„рапомъ. Онъ
„могъ утѣшить-
„ся въ бесѣдѣ съ
„Англійскимъ
„Коммиссаромъ
„Вильсономъ.

„же, существовала ли
„эта великая особа ре-
„волюціи. Мнѣ не нуж-
„ны были утѣшенія; я
„страдалъ о потеряхъ
„моихъ соотечествен-
„никовъ, не думая ни-
„мало о своихъ соб-
„ственныхъ, и толь-
„ко въ главной кварти-
„рѣ встрѣтилъ Г-на
„Вильсона.

„Большаго сто-
„ило труда вы-
„тащить изъ за-
„горѣвшихся до-
„мовъ и Гошпи-
„талей нѣкото-
„рую часть боль-
„ныхъ Русскихъ;
„осталось еще че-
„тыре тысячи

„Никакого не стоило
„труда вытаскивать
„изъ Гошпиталей ра-
„неныхъ и больныхъ:
„они оставались уме-
„реть съ голода; ибо
„раненые и больные
„Наполеоновой арміи са-
„ми голодали. Я на-
„шелъ изъ нихъ тыся-

„сихъ несчаст-
„ныхъ. Число по-
„гибшихъ во вре-
„мя пожара чрез-
„вычайно значи-
„тельно.

„чу триста шестьде-
„сятъ живыхъ, собран-
„ныхъ въ Шереметев-
„ской больницѣ и ослаб-
„шихъ отъ недостат-
„ка въ пищѣ; больша-
„го стоило труда спа-
„сти и вылѣчить изъ
„нихъ половину.

26й Бюллетень,
23 Октября.

„Жители, со-
„стоящіе изъ
„двухъ сотъ ты-
„сячь душъ, блу-
„ждая по лѣсамъ,
„умирая съ го-
„лода, прихо-
„дятъ на разва-
„лины искать ка-
„кихъ нибудь

„Такъ какъ нечего было
„ѣсть, то солдаты На-
„полеоновой арміи ша-
„тались по деревнямъ
„для снисканія, чѣмъ
„утолить свой голодъ.
„И такъ надлежало,
„чтобъ эти двѣсти ты-
„сячь Русскихъ людей
„могли существовать

„остатковъ и са-
„довыхъ овощей
„для своего про-
„питанія.

„Императоръ
„приказалъ сдѣ-
„лать подкопы
„подъ Кремль.
„Герцогъ Тре-
„визскій велѣлъ
„оный взорвать
„23 числа въ два
„часа утра. Все
„было разруше-
„но: древняя
„крѣпость, пер-
„вый Дворецъ
„Царей были....“

„болѣе мѣсяца безъ вся-
„кой пищи.

„Одна колокольня,
„два мѣста въ стѣнахъ,
„двѣ башни и четвер-
„тая часть Арсенала
„были взорваны. Цар-
„ской Дворецъ остался
„невредимъ, даже огонь
„не могъ въ него про-
„никнуть. Починки
„стоили всего навсе
„500,000 тысячь руб-
„лей. Кремль суще-
„ствуетъ съ древними
„своими воспоминанія-
„ми, и еще съ новымъ,
„которое Наполеонъ
„оставилъ, оказывая
„гнѣвъ свой надъ кир-

„пичами при прощаніи
„съ Москвою.“

Наполеонъ былъ ослѣпленъ предшествующими своими успѣхами; онъ думалъ, что Россія будетъ покорена вся, какъ лишь только сдѣлается онъ обладателемъ Столицы, и что ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ предложитъ ему миръ.

Но, со всѣмъ геніемъ, которой имѣлъ до 1812 года, онъ сугубо обманулся, и увидѣлъ всѣ свои предпріятія уничтоженными. Онъ не зналъ твердости Русскаго ИМПЕРАТОРА и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Русскомъ человѣкѣ, который показалъ себя въ сію эпоху во всемъ своемъ блескѣ. Надлежало быть великой опасности, чтобъ сей послѣдній разкрылъ великій свой характеръ. Неразумѣніе нашего языка причиною тому, что иностранцы знаютъ изъ всего Русскаго народа одну

только его одежду и его видѣ. Борода была въ презрѣніи, и считали за дикихъ, носившихъ оную; но народъ Русскій доказалъ, что онъ выше многихъ другихъ народовъ, будучи непричастенъ страха и неспособенъ къ измѣнѣ; онъ имѣетъ въ моральной своей енергіи и въ физической силѣ увѣренность въ успѣхѣ. Онъ совсѣмъ не знаетъ ни препятствій, ни опасности; онъ говоритъ: *все возможно; для чегожъ не такъ? дважды не умираютъ,* и съ сими словами онъ предпринимаетъ все, падаетъ, или успѣваетъ.

Часто онъ дѣлается героемъ, совсѣмъ не думая о томъ, и нимало не тщеславясь своими дѣлами.

Когда расточаютъ ему похвалы, то онъ отвѣчаетъ вамъ: *Богъ мнѣ помогъ. Это не диво; я такой же человѣкъ, какъ и всякой другой.*

Вѣ 1812 году ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ сказалѣ: *умереть сражаясь!* Руские отвѣчали ему: *мы готовы.* Нѣтѣ никакой нужды возбуждать ихѣ обѣщаніями и наградами, только стоитѣ сказать *пойдемѣ,* — и они вамѣ послѣдуютѣ. Жители Москвы были раздражены первые, узнавши еще до взятія Смоленска, что ничего не было пощажено непріятелемѣ, что домы были разграблены, женщины поруганы, храмы Божіи обращены вѣ конюшни. Они поклялись отмщеніемѣ на гробахѣ отцевѣ своихѣ, и истребили все, что могли. Болѣе десяти тысячь вооруженныхѣ солдатѣ побито крестьянами вѣ окрестностяхѣ Москвы; сколько еще мародёровѣ и людей безоружныхѣ пало подѣ ихѣ ударами! Они зажигали свои домы для погубленія солдатѣ, запершихся вѣ оныхѣ.

По возвращеніи моемѣ вѣ Москву я видѣлѣ многихѣ крестьянѣ, даже изѣ

за полтораста миль прибывшихъ, на хорошихъ лошадяхъ, вооруженныхъ каждаго саблею и копьемъ, и которые вмѣстѣ съ крестьянами Московской Губерніи сражались противъ непріятеля. Вмѣсто всякаго отвѣта на вопросъ мой, они отвѣчали: *наши были въ бѣдѣ*. Всѣмъ извѣстна исторія Смоленскаго крестьянина, замеченнаго на рукѣ, чтобы быть узнаннымъ, который отрубилъ ее однимъ ударомъ топора. Одна старая женщина изъ подмосковной деревни привела ко мнѣ двухъ своихъ внуковъ для отправленія ихъ въ армію, и положа имъ руки на голову, съ глазами, возведенными къ небу, произнесла сіи слова: *Ступайте, друзья мои! возвратитесь ко мнѣ тогда только, когда не будетъ непріятеля на землѣ Русской; въ противномъ случаѣ, проклятіе мое васъ ожидаетъ.*

Одинъ солдатъ, изувѣченный въ Италіянскую войну и возвратившійся

въ свою деревню, приказывалъ привязывать себя къ сѣдлу своей лошади, чтобъ предводительствовать крестьянами въ сраженіяхъ. Одинъ молодой крестьянинъ, взятый своимъ Господиномъ въ Москву, потерялъ аппетитъ и сонъ по взятіи Смоленска; онъ просилъ позволенія сражаться съ непріятелемъ. Я отослалъ его въ армію, и онъ погибъ въ сраженіи при Бородинѣ. Храбрость Русскаго солдата слишкомъ уже извѣстна, чтобъ прибѣгать къ похваламъ: его ненадобно возбуждать повышеніями или пенсіонами; онъ повинуется и сражается, нимало не заботясь, представляютъ ли его въ сраженіяхъ бюллетени, біографіи, литографіи и куплеты на подобіе грома лавины или головы Медузы разящимъ, повергающимъ, разметающимъ а въ камень претворяющимъ при своемъ появленіи.

Наконецъ, въ сей краткой, но жестокой борьбѣ Россіи противъ цѣлой

матерой земли Европы, имѣющей Наполеона своимъ предводителемъ, всѣ Русскіе наперерывъ одинъ передъ другимъ старались оказать свою преданность и вѣрность. Московское Дворянство предложило ИМПЕРАТОРУ отъ девяти десятаго человѣка съ провіантомъ на три мѣсяца, что составило тридцать двѣ тысячи человѣкъ, Губерніи Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская каждая по пятнадцати тысячъ человѣкъ, а Тверская и Ярославская по двѣнадцати тысячъ, всего сто шестнадцать тысячъ. Я тотъ самый, которому препоручено было ИМПЕРАТОРОМЪ устроить этѣ арміи, и шесть недѣль спустя послѣ Указа, онѣ уже находились каждая на границѣ своей Губерніи. Видѣли единородныхъ дѣтей Генерала Апраксина, Графа Строгонова и моего, изъ которыхъ старшему едва было семнадцать лѣтъ, находящихся на службѣ въ продолженіе сей войны. Сынъ Графа Строгонова, мо-

лодой человѣкъ, подававшій о себѣ великую надежду, былъ убитъ пушечнымъ ядромъ въ Краонскомъ дѣлѣ. Владѣльцы, потерявшіе наиболѣе при вторженіи непріятеля въ Москву, даже не представили отъ себя свѣдѣнія въ Коммиссію вспоможенія; и нимало не подвержено сомнѣнію, что оба Графа Разумовскіе, Генералъ Апраксинъ, Графъ Бутурлинъ и я, мы потеряли, какъ въ городскихъ и сельскихъ домахъ, такъ и въ движимости, болѣе нежели на пять милліоновъ рублей. Изъ библіотеки Графа Бутурлина, которую цѣнили въ милліонъ рублей, не осталось ни одного тома. Воспоминаніе о сихъ потеряхъ перейдетъ по наслѣдству къ дѣтямъ.

Таковъ былъ 1812 годъ! Хотя Россія сдѣлала большія потери въ людяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣла увѣренность, что никогда не можетъ быть покорена, и скорѣе будетъ гробомъ для

враговъ, чѣмъ послужитъ завоеваніемъ. Ея обитатели, слишкомъ мало образованные для эгоистовъ, будутъ умѣть защищать свое Отечество, нимало не тщеславясь своею храбростію. Наполеонъ, въ семъ походѣ, успѣхъ котораго сдѣлалъ бы его обладателемъ всей Европы, пожертвовалъ отборными воинами союзныхъ армій и храбрыми Французами, сражавшимися въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ для честолюбія того, котораго вознесли они даже на тронъ. Триста тысячь пало въ сраженіяхъ, отъ переходовъ и болѣзней, и сто тысячь погибло отъ голода, стужи и недостатка.

Я сказалъ правду, и одну только правду.

Графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

Парижъ, 5 Марта 1823.
